www.a4format.ru
Буслакова Т.П. **Русская литература XX века**: Учебный минимум для абитуриента. — М.: Высш. шк., 2001.

Т.П. Буслакова

«Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» (1928)

Маяковский неоднократно бывал в Париже. В первый раз он выехал за границу в 1922 году, тогда и увидел впервые «столицу столетий», куда затем приезжал неоднократно. Его давний знакомый, художник Ю. Анненков, эмигрировавший в 1924 году из советской России и встречавшийся с поэтом во Франции, вспоминал:

«Маяковский очень любил Париж, тяготел к Парижу. Переулки, площади, уличная оживленность, насыщенность художественной жизни, монпарнасские кафе, ночное освещение — обо всем этом он часто говорил со мной, не скрывая своих чувств. Иногда, впрочем, он прибавлял (с убежденным видом и, может быть, тогда еще искренно), что через два или три года Москва превзойдет Париж во всех областях».

Впечатления от французской и русской эмигрантской жизни стали предметом лирических произведений Маяковского — стихотворения «Париж» (1922) и одноименного цикла (1925). Уезжая из города дворцов и гильотины, гениев и «эмигрантской нуди», поэт подытоживал:

Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
если б не было
такой земли —
М о с к в а.

(«Прощанье», 1925)

«Письмо товарищу Кострову...» начинается как отчет из командировки, адресованный редактору. Тарас Костров (А. Мартыновский) был редактором двух изданий, где постоянно печатался Маяковский, — газеты «Комсомольская правда» и журнала «Молодая гвардия» (в нем было опубликовано и это стихотворение). Постепенно репортажная интонация меняется. Если обращение в пятой строчке («Представьте...») и согласование своих действий в восьмой («...правильно сказал//или неправильно?») относится к адресату, то основная часть — это попытка объяснить любимой «это состояние» и исповедь перед читателем («Кто//сумеет совладать?//Можете?//Попробуйте...»).

Лирический герой, как и в других стихотворениях, автобиографически близок автору: он поэт «из России», которому «тридцать... //с хвостиком». Главной же характеристикой становится отношение к любви как чувству, одухотворяющему жизнь и наполняющему его творчество. Объясняя «красавице в зале», что для него «значит» любовь, лирический герой, наряду с ироническими самооценками («Я ж умен//и голосист,// заговариваю зубы —//только//слушать согласись»), бросив «шутки», признается в том, что она является главным в его жизни:

Не поймать
меня
на дряни,
на прохожей
паре
чувств.
Я ж
навек
любовью ранен —
еле-еле волочусь...

Подчеркивая, что его представления о любви — это взгляд зрелого человека («...мне ж, красавица,//не двадцать...») лирический герой прежде всего отказывается «мерить» ее

конкретикой отношений. Это не свадьба («Мне, товарищ,//в высшей мере//наплевать// на купола»), не «кипение» страсти («...не в том,//что жгут угольями...»), не ревность к «мужу Марьи Иванны». Любовь — стремление к идеалу, но не к «райскому» наслаждению, а к действию, работе, творчеству:

Любить —
это значит...
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику...
…
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор...

Для поэта жизнь — творчество, и любовь пробуждает «это состояние», «экстаз», «видения и идеи». В изображении творческого процесса автор использует игру с двумя стилистическими пластами: возвышенно-поэтическим и сниженно-бытовым, передающую сопоставление идеала и действительности. Слово поэта, вырвавшееся из «сонма видений», — «золоторожденная комета», «звезда» (в этом смысле он сравнивается с «звездочетом»). Но это и «стишки» из «записной книжицы», написанные на «площади», «улице», в «грошовой столовой». Метафора «слово-комета» реализуется в показе действенности поэтического слова. Ее блестящее и горящее «оперенье» освещает мир для «двух влюбленных» и для тех, «которые глазом ослабли». Ее «хвост» — это «сияющая сабля», предназначенная для того, «Чтоб вражьи//головы//спиливать с плеч».

Благодаря бытовому плану любовь и поэзия предстают не придуманными «идеями», а «человеческой,//простой», жизненной реальностью. Достоверными оказываются все их характеристики: стихи слышнее «площади шума», творческий взлет к «синему небу» понятен даже «экипажам» и «авто» («Мчат//авто//по улице,//а не свалят наземь...», «Тут бы//и у медведей//выросли бы крылышки.»). Реальна жертва поэта тем, «которые... ослабли». Наконец, любовь, которой «навек... ранен» лирический герой, не умозрительный идеал, а многогранное переживание, далекое от «прохожей//пары чувств», — прекрасное, возвышенное, пробуждающее в человеке его скрытые возможности, и в то же время стихия, с силой которой нельзя «совладать»:

Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.
Кто
сумеет совладать?
Можете?
Попробуйте...